

1001 ночь.

Рассказ христианина

О, царь времени, – начал христианин, – когда я вступил в эти земли, я пришел с товарами, и предопределение привело меня к вам, но место моего рождения – Каир. Я из тамошних коптов [57] и воспитывался там, и мой отец был маклером; и когда я достиг возраста мужей, мой отец скончался и я сделался маклером вместо него. И вот в один из дней я сижу и вдруг вижу – едет на осле юноша, которого нет прекрасней, одетый в роскошнейшие одежды. И, увидав меня, он пожелал мне мира, а я встал из уважения к нему; и он вынул платок, в котором было немного кунжута, и спросил: "Сколько стоит ардебб [58] вот этого?" – "Сю дирхемов", – отвечал я; и юноша сказал: "Возьми грузчиков и мерильщиков и отправляйся к Воротам Победы, в хан аль-Джавали – ты найдешь меня там". И он оставил меня и уехал и отдал мне кунжут с платком, где был образчик; и я обошел покупателей, и каждый ардебб принес мне сто двадцать дирхемов. И я взял с собою четырех грузчиков и отправился к юноше, которого нашел ожидающим; и, увидев меня, он поднялся и открыл кладовую, и из нее взяли зерно; и когда мы его перемерили, то его оказалось пятьдесят ардеббов, на пять тысяч дирхемов. И юноша сказал: "Тебе за посредничество десять дирхемов за ардебб; получи деньги и оставь у себя четыре тысячи и пятьсот дирхемов для меня: когда я кончу продавать свои запасы, я приеду и возьму у тебя деньги". И я сказал "Хорошо!" – и поцеловал ему руки и ушел от него, и мне досталась в этот день тысяча дирхемов.

А юноша отсутствовал месяц, и потом он пришел и спросил меня: "Где деньги?" А я встал и приветствовал его и спросил: "Не хочешь ли ты чего-нибудь поесть у нас?" Но он отказался и сказал: "Приготовь деньги, я приду и возьму их у тебя", – и ушел. А я приготовил ему деньги и сидел, ожидая его; и его не было месяц, и я подумал: "Этот юноша совершенство доброты". А через месяц он приехал верхом на муле, одетый в роскошное платье и подобный луне в ночь полнолуния; и он словно вышел из бани, и лицо его было как месяц – с румяными щеками, блестящим лбом и родинкой, словно кружок амбры, подобно тому, как сказано:

И солнце и месяц тут в созвездье одном слились,

Во всей красоте своей и счастье взошли они;

За прелести их сильней смотрящие любят их.

О благо, когда их глас веселья к себе зовет!

Изящною прелестью красот их закончен ряд,

И ум укрепляет их и скромность великая.

Аллаха благословляй, создавшего дивное!

Что хочет господь высот для тварей, то сотворит,

И, увидев его, я поцеловал ему руки, и поднялся перед ним и призвал на него благословение, и спросил: "О господин, не возьмешь ли ты свои деньги?" И юноша ответил: "А зачем торопиться? Я кончу свои дела и возьму их у тебя", – и ушел. А я воскликнул: "Клянусь Аллахом, когда он в следующий раз придет, я непременно приглашу его, так как я торговал на его дирхемы и добыл через них большие деньги!"

А когда наступил конец года, он приехал, одетый в еще более роскошное платье, чем прежде; и я стал заклинать его зайти ко мне и отведать моего угощения. И юноша сказал: "С условием, чтобы то, что ты на меня потратишь, было из моих денег, которые у тебя". И я сказал: "Хорошо!" – и посадил его и сходил и приготовил какие следует кушанья и напитки и прочее, и принес это ему и сказал: "Во имя Аллаха!" И юноша подошел к столику и, протянув свою левую руку, стал со мною есть, – и я удивился этому. А когда мы кончили, я вымыл его руку и дал ему чем ее вытереть, и мы сели за беседу, после того как я поставил перед ним сладости. И тогда я сказал: "О господин мой, облегчи мою заботу: почему ты ел левой рукой? Может быть, у тебя на руке что-нибудь болит?" И, услышав мои слова, юноша произнес:

"О друг мой, не спрашивай о жарком волнении,

Что в сердце горит моем, – недуг обнаружишь ты мол.

Не доброю волею я Лейлу сменил теперь

На Сельму, но знай – порой нужда заставляет нас".

И он вынул руку из рукава, и вдруг я вижу – она обрубленная: запястье без кисти. И я удивился этому, а юноша сказал мне: "Но дивись и не говори в душе, что я ел с тобой левой рукой из чванства, отсечению моей правой руки есть диковинная причина". – "А что же причиною этому?" – спросил я; и юноша сказал: "Знай, что я из уроженцев Багдада, и мой отец там был знатен; и когда я достиг возраста мужей, я услышал рассказы странников, путешественников и купцов о египетских землях, и это осталось у меня в сердце. И когда мой отец умер, я взял много товаров и багдадских и мосульских и, собрав все это, выехал из Багдада; и Аллах предначертал мне благополучие, и я вступил в этот ваш город, – и потом он заплакал и произнес:

Спасается ослепший от ямы той,

Куда слетит прозорливый, видящий!

Глупец порой от слова удержится,

Которое погубит разумного.

Кто верует, с трудом лишь прокормится:

Неверные, развратники – все найдут.

Что выдумать, как действовать молодцу?

Ведь так судил судящий, дарующий.

А окончив эти стихи, он сказал: "И я прибыл в Каир и сложил ткани в хане Масрура и, отвязав свои тюки, вынес их и дал слуге денег, чтобы купить нам чего-нибудь поесть, и немного поспал; а поднявшись, я прошелся по улице Бейн-аль-Касрейн и вернулся и проспал ночь. А наутро я встал и вскрыл тюк с тканями и сказал себе: "Пойду пройду по рынкам и посмотрю, как обстоят там дела!" И я взял кое-какие ткани и дал их отнести одному из моих слуг и пошел на рынок Джирджиса, и маклеры встретили меня (а они узнали о моем прибытии) и взяли у меня ткани и стали кричать, предлагая их; но они не принесли даже своей цены, и я огорчился этим. И староста маклеров сказал мне: "О господин, я знаю что-то, от чего тебе будет прибыль. Сделай так, как делают купцы, и отдай твои ткани в долг на несколько месяцев при писце, свидетеле и меняле. Ты будешь получать деньги каждый четверг и понедельник и наживешь дирхемы: на каждый

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

дирхем два, и, кроме того, посмотришь Каир и Нил".

И я сказал: "Это правильная мысль!" – и, взяв с собою маклеров, отправился в хан, а они забрали ткани на рынок, и я продал их и записал за ними цепи и отдал бумажку меняле, взяв у него расписку, и вернулся в хан. И я провел много дней, ежедневно, в течение месяца, завтракая с кубком вина и посылая за мясом барашка и сладостями; и наступил тот месяц, когда мне следовало получать, и каждый четверг и понедельник я отправлялся на рынок и садился возле лавок купцов, а меняла и писец уходили и приносили деньги после полудня, а я пересчитывал их, запечатывал кошельки, брал деньги и уходил в хан. И вот в один из дней (а это был понедельник) я вошел в баню и, вернувшись в хан, отправился в свое помещение и позавтракал с кубком вина и поспал, а проснувшись, я съел курицу и надушился и пошел в лавку одного купца, которого звали Бедр-ад-дин аль-Бустани. И, увидев меня, он сказал мне: "Добро пожаловать!" – и разговаривал со мной некоторое время, пока не открылся рынок.

И вдруг подошла женщина с гибким станом и гордой походкой, в великолепном головном платке, распространявшая благоухание; и она подняла покрывало, и я увидел ее черные глаза, а женщина приветствовала Бедр-ад-дина, и тот ответил ей на приветствие и стоял, беседа с нею; и когда я услышал ее речь, любовь к ней овладела моим сердцем. А она сказала Бедр-ад-дину: "Есть у тебя отрез разрисованной ткани с золотыми прошивками?" И он вынул ей отрез из тех кусков, которые купил у меня, и они сошлись в цене на тысяче двухстах дирхемах. "Я возьму кусок и уйду и пришлю тебе деньги", – сказала тогда женщина купцу; но он возразил: "Нельзя, госпожа, вот владелец ткани, и я связан перед ним сроком". "Горе тебе! – воскликнула женщина. – Я привыкла брать у тебя всякий кусок ткани за много денег и даю тебе нажать больше того, что ты хочешь, и присылаю тебе деньги". А купец отвечал: "Да, но я принужден расплатиться сегодня же". И тогда она взяла кусок и бросила его в лицо Бедр-ад-дину и воскликнула: "Ваше племя никому не знает цены!" – и встала. С ее уходом я почувствовал, что моя душа ушла с нею. И я поднялся и остановил ее и сказал: "О госпожа, сделай милость, обрати ко мне свои благородные шаги!" И она воротилась, и улыбнулась, и сказала: "О, ради тебя возвращаюсь", – и села напротив, возле лавки.

И я спросил Бедр-ад-дина: "За сколько ты купил этот кусок?" – "За тысячу сто дирхемов", – отвечал он; и я сказал: "Тебе будет еще сто дирхемов прибыли; дай бумагу, я напишу тебе расписку на эту цену". И я взял кусок ткани и написал Бедр-ад-дину расписку своей рукой и отдал женщине и сказал ей: "Возьми и иди; и если хочешь, принеси деньги в следующий рыночный день, а если пожелаешь – это тебе подарок, как моей гостье". "Да воздаст тебе Аллах благом и да пошлет тебе мои деньги и сделает тебя моим мужем!" – сказала женщина (и Аллах внял ее молитве). А я воскликнул: "О, госпожа, считай этот отрез твоим, и тебе будет еще такой же, но дай мне посмотреть на твое лицо". И когда я взглянул ей в лицо взглядом, вызвавшим во мне тысячу вздохов, любовь к ней привязалась к моему сердцу, и я перестал владеть своим умом. А потом она опустила покрывало и взяла отрез и сказала: "О господин, не заставляй меня тосковать!" – и ушла; а я просидел на рынке до послеполуденного времени, и ум мой исчез и любовь овладела мною. И от силы охватившей меня любви я поднялся и спросил купца об этой женщине, и он сказал: "У нее есть деньги. Она дочь одного эмира, и отец ее умер и оставил ей большое богатство".

И я простился с ним и ушел и пришел в хан, и мне подали ужин, но я вспомнил о той женщине и не стал ничего есть и лег спать. Но сон не шел ко мне; и я не спал до утра и встал и надел не ту одежду, что была на мне раньше, и выпил кубок вина и поел немного на завтрак, и пошел в лавку того купца. Я приветствовал его и сел у него, и молодая женщина, как обычно, пришла, одетая еще более роскошно, чем раньше, и с ней была невольница. И она поздоровалась со мной, а не с Бедр-ад-дином, и сказала красноречивым языком, нежнее и слаще которого я не слышал: "Пошли со мной кого-нибудь, чтобы взять тысячу и двести дирхемов – плату за кусок ткани". – "А что же торопиться?" – сказал я ей, и она воскликнула: "Да не лишимся мы тебя!" – и отдала мне деньги; и я сидел и разговаривал с нею. И я сделал ей Знак, и она поняла, что я хочу обладать ею, и встала поспешно, испуганная, а мое сердце было привязано к ней. И я вышел с рынка следом за ней, и вдруг ко мне подошла девушка и сказала: "О господин, поговори с моей госпожой!" И я изумился и сказал: "Меня никто Здесь не знает". Но девушка воскликнула: "О господин, как ты скоро ее забыл! Моя госпожа – та, что была сегодня в лавке такого-то купца". И я пошел с девушкой на рынок менял; и, увидев меня, ее госпожа привлекла меня к себе и сказала: "О мой любимый, ты проник мне в душу, и любовь к тебе овладела моим сердцем, и с той минуты, как я тебя увидела, мне не был приятен ни сон, ни питье, ни пища". – "У меня в душе во много раз больше этого, и положение избавляет от нужды сетовать", – ответил я. И она спросила: "О любимый, у меня или же у тебя?" – "Я здесь человек чужой, отвечал я, – и нет мне где приютиться, кроме хана. Если сделаешь милость – пусть будет у тебя". И она сказала: "Хорошо; но сегодня канун пятницы и ничего не может получиться, – разве только завтра, после молитвы. Помолись, сядь на осла и спрашивай квартал аль-Хаббания, а когда приедешь, спроси, где дом Бараката – начальника, по прозвищу Абу-Шама, – я там живу. И не медли, я жду тебя".

И я обрадовался великою радостью, и потом мы расстались; и я пришел в хан, где я жил, и провел ночь без сна и не верил, что заря заблестала. И я встал и переменял одежду, и умастился, и надушился, и, взяв с собой пятьдесят динаров в платке, прошел от хана Масрура до ворот Зубиле, а там сел на осла и сказал его владельцу: "Отвези меня в аль-Хаббанию". И он доехал в мгновение ока и очень скоро остановился у ворот в квартал, называемый квартал аль-Мункари; и я сказал ему: "Зайди в квартал и спроси дом начальника". И ослатник ушел и недолго отсутствовал, и, вернувшись, сказал: "Заходи!" И я сказал ему: "Иди впереди меня к дому! Рано у гром придешь сюда и отвезешь меня, – сказал я потом ослатнику; и он отвечал: "Во имя Аллаха!", и я дал ему четверть динара золотом.

И ко мне вышли две молоденькие девушки, высокогрудые девы, подобные лунам, и сказали мне: "Входи, наша госпожа тебя ожидает! Она не спала ночь, радуясь тебе". И я вошел в верхнее помещение с семью дверями, вокруг которого шли окна, выходившие в сад, где были всевозможные плоды, и полноводные каналы, и поющие птицы; и все было выбелено султанской известкой, в которой человек видел свое лицо, а потолок был покрыт золотыми надписями, написанными лазурью, которые заключали прекрасные славословия и сияли смотрящим. А пол в комнате был выстлан пестрым мрамором, и посреди был водоем, по краям которого находились чаши, литые из золота и извергавшие воду, похожую на жемчуг и яхонты; и помещение было устлано разноцветными шелковыми коврами и уставлено скамейками. И, войдя, я сел..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать шестая ночь

Когда же настала двадцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша купец говорил христианину: "И, войдя, я сел и не успел я очнуться, как та женщина уже подошла – в венце, окаймленном жемчугом и драгоценностями, разрисованная и расписанная. И, увидев меня, она улыбнулась мне к лицу, и обняла меня, и прижала к своей груди и, приложив рот к моему рту, стала сосать мой язык; и я делал так же. И она сказала: "Это правда? Ты пришел ко мне?" И я отвечал ей: "Я твой раб!" А она воскликнула: "Привет, добро пожаловать! Клянусь Аллахом, с того дня, как я тебя увидела, мне не был сладок сон и неприятно кушанье". – "И мне также", – отвечал я; и мы сели и стали разговаривать, и я держал голову опущенной к земле от стыда. И вскоре мне подали на скатерти роскошнейшие кушанья: мясо в уксусе, поджаренную тыкву в пчелином меду и курицу с начинкой, и я поел с ней, и мы насытились, и мне подали таз и кувшин, и я вымыл руки; а потом мы надушились розовой водой с мускусом и сидели разговаривая, и она произнесла такие стихи:

"Если б ведом приход ваш был, мы б устлали

Кровью сердца ваш путь и глаз чернотою

И постлали б навстречу вам наши щеки,

Чтоб тянулась дорога ваша по векам".

И она жаловалась на то, что испытала, и я жаловался ей на то, что испытал, и любовь к ней овладела мною, и все деньги сделались для меня ничтожны. И мы играли, возились и целовались, пока не подошла ночь, и тогда девушки подали нам кушанье и вино, и вдруг вижу – это целый пир! И мы пили до полуночи, а затем легли и заснули, и я проспал с ней до утра, и в жизни не видел ночи, подобной этой. Когда же настало утро, я поднялся и бросил ей под постель платок, в котором были динары, и простился с ней и вышел, а она заплакала и сказала: "О господин мой, когда я опять увижу это прекрасное лицо?" И я сказал ей: "Я буду у тебя вечером". А выйдя, я нашел ослатника, привезшего

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

меня вчера, который ждал меня у ворот, и сел с ним и приехал в хан Масрура, и сошел, и дал ослятнику полдинара и сказал ему: "Приходи опять ко времени заката!" И он отвечал: "Хорошо!" И я позавтракал и пошел взыскивать деньги за ткани, а потом возвратился и приготовил ей жареного ягненка и сладостей, а затем позвал носильщика, положил все это ему в корзину, заплатил ему и вернулся к своим делам и был занят до захода солнца.

А на закате ослятник пришел ко мне, и я взял пятьдесят динаров, положил их в платок и пошел к ней; и я увидел, что там вытерли мрамор и начистили медь и заправили светильники, зажгли свечи, разложили кушанья и процедили вино. И при виде меня моя возлюбленная закинула руки мне на шею и воскликнула: "Ты заставил меня тосковать!" А затем подали столы, и мы ели, пока не насытились, и девушки убрали столы и поставили вино. И мы пили, не переставая, до полуночи, а потом перешли в спальню и проспали до утра; и я поднялся и дал ей, как обычно, пятьдесят динаров и вышел от нее. И я увидел ослятника и поехал в хан, и проспал немного, а затем я встал и собрал ужин, и приготовил орехи и миндаль к рисовому пилаву, и жареный бронник, и взял свежих и сушеных плодов на закуску, и цветов – и отослал ей это; и, зайдя домой, взял пятьдесят динаров в платке и вышел и, как обычно, поехал с ослятником к ее дому. И я вошел, и мы поели и попили и спали до утра, а потом я поднялся и бросил ей платок и, как всегда, поехал в хан. И так продолжалось некоторое время; и вот однажды я провел ночь и проснулся, не имея ни дирхема, ни динара. И я сказал себе: "Все это дело сатаны! – и произнес такие стихи:

От бедности богатого меркнет свет,

Как солнца луч бледнеет в вечерний час.

Коль нет его, помянут не будет он,

А в стан придет, так доли там нет ему.

На рынке он проходит украдкой,

И слезы льет в пустыне он горькие.

Клянусь Аллахом, муж среди родичей,

Коль бедностью испытан он, – всем чужой!"

И я вышел из хана и прошел по улице Бейн-аль-Касрейн и дошел до самых ворот, и я увидел, что люди стоят толпой и ворота забиты множеством народа. И по predetermined велению я увидел солдата и невольно прижал его, и моя рука оказалась у его кармана, и я потрогал его и нашупал кошелек в том кармане, на котором лежала моя рука. И я почувствовал, что моя рука касается кошелька, и взял его из кармана солдата. И солдат заметил, что его карман стал легким, и положил туда руку, но ничего не нашел там; и он обернулся ко мне и, подняв руку с дубиной, ударил меня по голове, и я упал на землю. И люди окружили нас и схватили за уздечку лошадь солдата и сказали: "Из-за тесноты ты ударил этого юношу таким ударом!" Но солдат закричал на них и сказал: "Это проклятый вор!" И тут я очнулся и услышал, что люди говорят: "Эго красивый юноша, он ничего не взял!" – некоторые верили, а другие не верили, и толки и пересуды умножились.

И люди потащили меня и хотели меня освободить из рук солдата; и по predetermined велению вдруг въехали в ворота вали и начальник и стражники, и они увидели, что народ собрался около меня и солдата. И вали спросил: "В чем дело?" И солдат сказал: "Клянусь Аллахом, господин, это вор! У меня в кармане был голубой кошель с двадцатью динарами, и он взял его, когда я был в толпе". – "А был с тобой кто-нибудь?" – спросил вали у солдата; и солдат ответил: "Нет!" И тогда вали крикнул начальника, и тот схватил меня, и покров Аллаха был с меня снят. И вали сказал начальнику: "Раздеть его!" И когда меня раздели, кошель нашли в моем платье. А когда кошель нашли, вали взял его и открыл и пересчитал деньги, и увидел, что в нем двадцать динаров, как и сказал солдат.

И вали рассердился и кликнул стражников, и меня подвели к нему, и он спросил: "О юноша, скажи правду, ты украл этот кошелек?" И я опустил голову к земле и сказал про себя: "Если скажу "не украл", – но ведь он вытащил его из моего платья; а если скажу "украл" – испытаю мучение". И я поднял голову и сказал: "Да, я взял его". И, услышав от меня эти слова, вали удивился и позвал свидетелей, и они явились и засвидетельствовали мои слова, – и все это происходило у ворот Зукбале. И вали отдал приказ палачу, и тот отрубил мне правую руку; и сердце солдата смягчилось, и он заступился за меня, и вали оставил меня и уехал. А люди остались около меня и дали мне выпить кубок вина, а солдат отдал мне кошель и сказал: "Ты красивый юноша, не должно тебе быть вором". И после этого я произнес:

"Аллахом клянусь, я не был вором, о верный брат,

И не из крадущих я, о лучший из тварей!

Внезапно превратностью судьбы поражен я был,

И мучим заботой я, нуждой и волненьем.

Не ты поразил меня, – стрелой господь метнул

И сбил с головы моей венец царской власти".

И солдат оставил меня и ушел, отдав мне кошель, и я тоже ушел, и завернул свою руку в тряпку и положил ее на пазуху; и мое состояние расстроилось, и цвет лица пожелтел из-за того, что со мной случилось. И я дошел до дома той женщины, будучи нездоров, и бросился на постель; и женщина увидела, что у меня изменился цвет лица, и спросила: "Что у тебя болит и почему ты, я вижу, расстроен?" – "У меня болит голова, и мне нехорошо", – отвечал я. И тогда она разгневалась и обеспокоилась за меня и воскликнула: "Не сжигай моего сердца, господин мой. Сядь, подними голову и расскажи мне, что произошло с тобой сегодня? Мне видны на твоём лице многие слова". – "Избавь меня от разговоров", – сказал я. И она заплакала и воскликнула: "Ты как будто бы больше не хочешь меня! Я вижу, что ты не такой, как обычно". И я промолчал, а она стала разговаривать со мной, по я не отвечал ей.

А когда подошла ночь, она подала мне кушанье, но я отказался от него, боясь, что она увидит, что я ем левой рукой, и сказал: "Я не хочу сейчас есть!" – "Расскажи мне, что произошло с тобой сегодня и почему ты озабочен и разбиты твоё сердце и душа", – сказала она. И я ответил: "Сейчас я расскажу тебе не торопясь". И она подала мне вина и сказала: "Вот тебе, это разгонит твою заботу! Непременно выпей и расскажи мне, что случилось". – "Я обязательно должен рассказать тебе?" – спросил я; и он" ответила: "Да!" И тогда я сказал: "Если это непременно должно быть, напои меня твоей рукой". И она наполнила кубок, и я выпил его, и она наполнила его снова и протянула мне, и я принял его от нее левой рукой, и слезы побежали из моих глаз. И я произнес:

"Когда Аллах захочет сделать что-нибудь

С разумным мужем, видящим и слышащим,

Он оглушит его и душу ослепит

Ему, и ум его, как волос, вырвет он.

Когда же приговор исполнится его,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Вернет он ум ему, чтоб поучался он".

И, окончив стихи, я взял кубок левой рукой и заплакал, а она издала громкий крик и спросила: "Отчего ты плачешь? Ты сжег мне сердце! Почему ты взял кубок левой рукой?" – "У меня на руке чирей", – отвечал я ей; и она сказала: "Вынь ее, я тебе его проткну". Но я сказал: "Теперь не время его вскрывать! Не надоедай мне!"

Я не выну сейчас руки!"

Затем я выпил кубок, и она до тех пор поила меня, пока меня не одолел хмель и я не заснул на месте, и тогда она увидела мою руку без кисти и, обыскав меня, нашла у меня кошель с золотом; и ее охватила такая печаль, какая еще не охватывала никого, и она страдала из-за меня до утра. А пробудившись от сна, я увидел, что она приготовила мне отвар и подала его, – и вдруг я вижу, он из четырех куриц! – и дала мне выпить кубок вина; и я поел и выпил, и положил кошель, как обычно, и хотел выйти, но она спросила: "Куда идешь?" – "В одно место, куда мне надо пойти", – отвечал я. Но она сказала: "Не уходи, садись!"

И когда я сел, она воскликнула: "Так твоя любовь дошла до того, что ты истратил все деньги и лишился кисти? Свидетельствую перед тобой – и свидетель тому

Аллах! – что я с тобой не расстанусь! Ты скоро убедишься в истинности моих слов!" И она послала за свидетелями и, когда они явились, сказала им: "Напишите мою брачную запись с этим юношей и засвидетельствуйте, что я получила приданое". И они засвидетельствовали мой брачный договор с нею, и после того она сказала: "Засвидетельствуйте, что все мои деньги, которые в этом сундуке, и все какие у меня есть рабы и невольницы принадлежат этому юноше".

И они засвидетельствовали это, и я принял дарственную, и они ушли, получив сначала свою плату; а после этого она взяла меня за руку и, поставив меня около кладовой, открыла большой сундук и сказала мне: "Посмотри, что в сундуке". И я посмотрел – и вижу: он полон платков; а она сказала: "Это твои деньги, которые я брала у тебя. Всякий раз, как ты давал мне платок с пятьюдесятью динарами, я складывала его и бросала в этот сундук. Возьми свои деньги, они вернулись к тебе, и ты сегодня богат. Судьба поразила тебя из-за меня: ты потерял свою правую руку, – и я не могу возместить тебе этого. Даже если бы я пожертвовала своей душой, этого было бы мало; и у тебя надо мной преимущество. – И она сказала мне: Получи свои деньги". И я перенес ее сундук к своему и положил ее деньги к своим деньгам, которые я давал ей, и мое сердце возрадовалось, и моя забота рассеялась. И я поцеловал мою жену и поблагодарил ее, а она сказала: "Ты пожертвовал своей рукой из любви ко мне! Как я могу возместить тебе это? Клянусь Аллахом, если бы я отдала из любви к тебе свою душу, этого, наверное, было бы мало, и я не в состоянии должным образом воздать тебе".

После этого она отписала мне особою крепостью все какие имела носильные платья и драгоценности и вещи и провела эту ночь озабоченная моей заботой; и я рассказал ей все, что со мной случилось, и провел с нею ночь. И когда прошло меньше месяца, ее слабость увеличилась и болезнь ее усилилась, и, проживши только пятьдесят дней, она оказалась среди обитателей того света. И я обрядил ее и похоронил в земле, и устроил над нею чтения Корана, и роздал за нее в виде милостыни много денег. А выйдя из ее склепа, я увидел, что ей принадлежат большие богатства, владения и поместья; и в числе ее складов был склад кунжута, часть которого я продал тебе, и л потому не посещал тебя в течение этого времени, что продавал остальные запасы и все, что было в кладовых, и я до сих пор еще не получил всех денег. Не возражай же против тою, что я тебе скажу, так как я поел твоей пищи: я дарю тебе деньги за кунжут, который находится у тебя.

Вот причина отсечения моей правой руки и того, что я ел левой рукой".

"Ты был милостив и благодетелен", – сказал я ему. И он спросил: "Не хочешь ли ты отправиться со мной в мои земли? Я накопил товаров каирских и александрийских, и, может быть, ты согласишься сопровождать меня?"

"Хорошо, – сказал я и назначил ему сроком начало месяца, а затем я продал все, что имел, и купил других товаров и отправился вместе с юношей в эти земли, то есть в вашу страну. И юноша продал товары и купил вместо их другие в вашей стране и отправился в земли египетские, а мне на долю выпало побывать этой ночью здесь, – и со мной случилось на чужбине то, что случилось. Не удивительней ли это, о царь нашего времени, чем то, что произошло с горбуном?"

"Вас всех необходимо повесить", – сказал царь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать седьмая ночь

Когда же настала двадцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Китая сказал: "Вас необходимо повесить!" Тогда надсмотрщик подошел к царю Китая и молвил: "Если ты мне поверишь, я расскажу тебе историю, приключившуюся со мной

За это время, раньше чем я нашел этого горбуна, и если она будет удивительнее его истории, подаришь ли ты нам наши души?" – "Хорошо", – отвечал царь. И надсмотрщик сказал: